

Я сидел в буфете и пил холодное баночное пиво. Хотелось напиться и все забыть, но водка не продавалась. Неожиданно из за спины ко мне подошла Анастасия Михайловна. Встав смиренно по привычке я уставился на нее, чувствуя что люблю эту светловолосую женщину и прекраснее ее быть не может. Она сделала жест рукой садиться и сама заняла стул рядом. «Ну как тебе моя речь?» Кивая пытался улыбаться, сказав, что все в зале поддержали громкими аплодисментами инновации нашего института. Я смотрел на нее. Передо мной сидела роскошная зрелая женщина, сочетававшая элегантный стиль одежды с шикарным в объемах телом: пиджак был снят, блузка скрипела рядом пуговиц от внушительного стоящего шарами бюста навроде двух волейбольных мячей под одеждой. Её стальной маникюр перебирал бумаги доклада, голова чуть в уклоне, взгляд сосредоточенный деловой. Сейчас это истинная заведующая нашей кафедрой непреступная серьезная Анастасия Михайловна, а вчера ночью она была стонущая потасканная блядь под двумя залетными неграми! От этой мысли у меня начинал вставать и с болью упираться в ширинку.

«Значит так, мне завтра еще два доклада зачитывать. Тебе придется подобрать выдержки из книг, которые я написала в списке. Я его где то растеряла, поэтому получишь новый» — рабочим тоном приказывала она. Презрение прошло. Я опять смотрел на нее как на кумир. Мои руки похолодели, голова гудела, может я был пьяный, но я выдавил из себя — «Анастасия Михайловна, я вас люблю несколько лет, как устроился на работу». Она подняла брови и посмотрела на меня с явным пренебрежением в глазах. Даже губы задралась в ухмылке. Проклиная себя за ошибку, я знал наперед кто я для нее. Никчемный бесперспективный молодой тощий подчиненный. К тому же я был белый с маленьким хуем, а ее бабские аппетиты утоляют только заезжие черные жеребцы. Я был жалок. Анастасия Михайловна сложила ладони на бумагах и тяжело вздохнув необъятной грудью, приняла мое признание как ненужное для нее. Пренебрежение сошло, остались холодные слова видимо частые для таких дураков навроде меня — «Будем считать, что это только восхищение моей преподавательской деятельностью». «Да...» «Ну вот и хорошо. Значит список я новый подготовлю в него войдет...» «Нет, я вас люблю и на все готов. Я буду вас любить всю жизнь, вы увидите что я нежный» — я сам замолчал, вспомнив прошлую ночь, когда она довольно кончала от грубой групповухи, где ее пользовали как последнюю шалаву здоровыми хуями прямо в роскошный зад. Ей нежности были не нужны. Любовь тоже. Только сучий трах в два шланга.

Сперва Анастасия Михайловна переменялась в лице. Я знал, когда она сердится. Но потом посмотрела с необычным усталым чувством и сказала — «Ну вот и ты туда же. Мой отец все уши прожужжал, теперь еще вдалеке от него опять эта тема?». «Я не хотел вас расстраивать. А что за тема?» Она похоже забыла про работу и начала откровенный разговор. Конечно, я был пустышкой для нее, одно ее слово и наш ректор ее отец уволит меня с такой рекомендацией после которой никогда не найдешь работы. «Разве про меня на кафедре не судачат? Все вы за глаза шепчетесь, что я фригидна или еще что выдумываете. В моем возрасте обручального кольца не носить лишней повод перемыть кости начальству». Мне правда хмель ударил в голову от того, что я ничего не ел с вчерашнего дня и выпил литр крепкого пива. Я со злостью сказал — «Они меня бесят. Они про вас говорят всякую гадость, а вы самая хорошая». «Кто?

Давай по именам и не вздумай отнекиваться» — женщина напротив хотела мести. От ее приказного тона я не устоял и выложил фамилии всех сослуживцев с кафедры. Анастасия Михайловна удовлетворенно ухмыльнулась. У меня были противные эмоции стучащего на товарищеском начальству, но ощущалась радость угождать своей любимой. Потом мы разговариваем за одним столом! Раньше я такого не мог себе позволить. Я всегда буду делать, что скажет эта прекрасная женщина, я ее обожаю без памяти! Много мне не надо, только ее улыбка. Я люблю ее. Не помня себя, я признался ей в полной готовности помогать, как только могу. Она может рассчитывать на меня в любое время суток. Ее глаза заблестели чем-то новым, глядя на меня. Она смотрела без рабочей прохлады от таких рабских откровений. Но быстро ей это стало надоедать. Что-то вспомнив, Анастасия Михайловна посмотрела на часы и сказала, чтоб я зашел к ней в номер ближе к шести за списком книг. Так я остался один. От волнения дрожали пальцы. В голове как будто было две Анастасии Михайловны. Одна была неземная идеальная любимая красавица, ради которой я был готов предать любого. Вторая была блять в сперме с растрепанными волосами и порванными чулками.

Протрезвев я стоял возле двери номера. До этого сменил рубашку, снова принял душ и побрился. Хотел понравиться ей. Пусть она меня заметит, я ее по-настоящему люблю. Никто ее так не обожает. Она увидит это рано или поздно и станет ценить. Я покажу нежность, она ей еще понравится. Я прощаю ее за секс с этими черными гориллами. Ее можно понять, она нормальная зрелая баба, ей хотелось внимания, а со знакомыми она не могла. Она боится за свою репутацию в институте, у нее серьезная должность. Это для нее был просто отдых. Я покажу свою любовь, она меня полюбит, мы поженимся, и никто больше не будет обсуждать ее за спиной. Но до одиннадцати пятнадцати никто не открывал. Прислонившись у стены, я репетировал речь. Не буду напирать, просто еще раз намекну, что мои чувства для нее всегда готовы. Из за угла в коридоре вышла группа людей. В центре шла моя Анастасия Михайловна в синем вечернем платье, а вокруг было шесть здоровых негров. Лет, где то пятьдесят-сорок. Все смеялись и громко хохотали. Двое нагло держали руки на ее талии по обе стороны. «Ты? Что нужно?» — попыталась вспомнить женщина от которой пахло духами и спиртным. Остальные тоже были захмелевшими. «Кто это? Твой сосунок?» — больно ткнул в меня палец двухметровый негр с бритой головой. Его желтые глаза подмигнули Анастасии Михайловне. Когда я сказал, что пришел за списком, она занято обронила — «Завтра в фойе встретимся. Там поговорим, у меня сейчас много дел с коллегами». Негры загоготали от нескрываемого возбуждения, что у них сегодня очень много разных дел до утра. Они всей группой втиснулись в дверь ее номера, которая плотно закрылась. Быстро забежав к себе, я прислонился к стенке и начал слушать, что происходит у Анастасии Михайловны. Там слышался не разборчивый смех мужчин. Моя фантазия представляла гадкие картины. Я презирал себя, злился на себя, что надеялся на что то, а она и не думала прекращать свои загулы с черными у которых шланги по колени. Было жарко. Я начал пить принесенное вино, которое могло понадобиться в нашей беседе, если бы она согласилась принять мою любовь. Сам не знаю как, все было, как в тумане и я этого не помню, но я перелез через балкон и оказался в ее номере. Кружилась голова и от страха подташнивало, но я стоял в зале среди нагло развалившихся негров и своей начальницы посередине. В свете люстры она была божественной! Густые белоснежные волосы стянуты в шар с двумя освобожденными длинными волнистыми прядями для прямого пробора на челке, вечернее синее тонкое платье с открытыми плечами и руками, пара высоких разрезов на юбке, массивная грудь

натягивает его спереди, а круглые бедра распирают по бокам, чулки в сеточку, стальной педикюр под босоножками на высоком каблуке, тонкая золотая цепочка на лодыжке. Глаза густо подчеркнуты черной тушью, пухлые губы блестят от розовой помады.

Меня развезло и я стал признаваться ей в любви, тыкать пальцами на нахально смеющихся негров, что они ее недостойны, что я готов жениться на ней. Высказавшись я замолчал. Я ждал ее ответа. Раздался грудной зрелый бабий хохот. Моя любимая откровенно смеялась над моей любовью. Она тоже была пьяная и вызывающе сказала правду которую я боялся услышать — «Кому ты нужен? У меня таких только свистни! Я своему папе скажу, он мне таких женихов приведет... Но зачем вы все мне? Пробовали знаем». Выставленный мизинчик Анастасии Михайловны заставил номер наполниться издевательствами от всех собравшихся. Они задирались и говорили, что белый сосунок попутал, что ему с черными братьями не тягаться. Один в расслабленном галстуке развращенно схватил за талию и за грудь через платье Анастасию Михайловну и сказал «Эта белая шлюшка уже наша, пусть она скажет сама». Моя любимая женщина без слов поддалась губами к его раскрытому шоколадному рту и я увидел жаркий засос. Бритый лоснящийся негр сжимал набухшие груди белокурой податливой сучки. Его пальцы заскользили чуть вверх по ложбинке, подмышкам, шеи и дернули за волосы назад. С громким мокрым звуком коричневый рот и розовый разомкнулись. Тяжело дыша, Анастасия Михайловна с вызовом посмотрела на меня — «Ну что понял? Такова жизнь». Все опять засмеялись над шоу. Я был унижен ими и той женщиной, которую обожал, чью грудь мнут руки незнакомого подцепленного довольного негра. Я стал уходить, но он сделал жест остальным замолчать, а потом обратился — «Эй, ты рано, не покидай своей любимой. Самое интересное пропустишь». Двое подошли к ним и резко отдернули вниз декольте платья Анастасии Михайловны, спрятав его край под чашечки черного лифчика с кружевами. Меня эта картина вероломно возбуждала. Я смотрел на томно дышащую роскошную русскую женщину в руках сразу нескольких возбужденных наглых негров. Они уже начинали лизать слюнявыми языками верхушки ее груди, трясущихся жидким холодцом. Я ревновал и возбуждался от зависти, что они могут пробовать ее бабские прелести как захотят а я никогда не смогу этого. «Блять! У него стоит! Братья зацените!» — крикнул один и показал на мою оттопыренную ширинку. Анастасия Михайловна что то хотела сказать, но в ее рот впился подошедший четвертый. Он начал лизать ее лицо, губы, выставленный язык и потом со злостью гаркнул мне — «Мы сейчас твою жену по кругу пустим, а ты будешь смотреть недоносок. Белые у нас всегда так делают». Он видимо плохо разобрал русский язык, когда я говорил, что готов жениться и подумал, что она моя жена. Другие завизжали от прилива похоти. Они повставали и обошли вокруг Анастасии Михайловны с которой уже снимали лифчик.

Она вся была в негритянских руках. Коричневые ладони с длинными пальцами жадно лапали её выпавшую до середины живота тяжелую грудь, сжимали торчащие соски вместе с красными кругами вокруг. Моя любимая покорно извивалась течной сукой в их живом кольце и я заметил, как ее руки проникли в ширинки брюк. Два негра запыхтели — «Дрочи, дрочи...». Уже платье начало сползать, оголяя выпирающий бледный живот, прозрачные трусы с выползшей по краям густой кучерявой бабской волосней. Каблуки переступили подол сброшенной одежды, по внутренней стороне бедер заерзали несколько рук. «Ооо... делайте это со мной, делайте все сразу... я вся ваша... берите меня» — зардевшись красными щеками, томно призналась Анастасия Михайловна, когда ее всей толпой повалили на колени. Я стоял в

углу у двери на балкон. Я мог уйти, но жадно смотрел с мерзкой возбужденностью быть откровенным очевидцем грехопадения отборной русской женщины в самом соку с надсмехающимися над мной незнакомыми неграми. Они смеялись и над ней, называя белой сукой, толстой потной блядью, беложопой давалкой, белым мусором. Я стоял и дрожал от презрения к себе, но уйти не мог. Между ног ныло от стоячего члена в узких трусах. Я знал, что происходящее навсегда изменит меня. Не хотел, но подавался унижающей ревности. Толпа злых от возбуждения негров скидывала с себя всю одежду. Наружу показались гигантские налитые кровью черные хоботы! Вблизи 4 шагов они пугали своими размерами! Их пальцы еле смыкались от толстой ширины в обхвате. Я видел, как моя Анастасия Михайловна в пьяном экстазе наслаждается смакованием первого заглоченного в самое горло члена. Ее лицо покраснелось, глаза расширились, тушь потекла, ноздри громко задышали. «До шеи ей всадил! Глубоко берет» — похвастался хозяин мощной колбасы на которую насадил головой белую женщину униженную под собой. «Дай пять братан, сейчас ей сделаем привет из Эфиопии» — засмеялся другой. Он хлопнул по ладони соседа с облюбявленным освобожденным членом, и ткнул своим черным в задыхающийся бабский рот. Толстая венистая палка начала насильно впихиваться в ухваченную голову Анастасии Михайловны, чьи волосы распались волнистыми белоснежными локонами на плечи. Резко он выдернул, ему на смену перехватил женщину за уши другой, и не давая отдышаться стал пропихивать свой кривой шланг с набалдашником. Остальные поддерживали, свистели, тянули к себе мягкие покрасневшие груди, и обращались ко мне — «Смотри, как твоя любимая обслуживает всех братьев. Тебе понравится белый». Я смотрел. Наблюдал за постыдным актом обожаемой женщины, стоящей на коленях перед группой чернокожих, сосущей и заглатывающей их длинные члены. Комната провоняла мужским потом и вонью от их влажных агрегатов. Один включил на сотовом рэп, и подтанцовывая бил елдаком по оттянутой груди Анастасии Михайловны. Смазка из его члена тянулась липкой струей по ее сморщенному соску. «Какие большие титьки у этой белой шалавы» — смеялся он.

Она в конце концов посмотрела на меня. Это был пьяный взгляд мельком, пока ее размазанные помадой губы с языком старались ублажить бурю головку. Увидев, что я так и стою, Анастасия Михайловна с остервенением принялась отдрачивать два ближайших члена, и нырять головой то к одному то к другому. Сверху над ней заревел мужской голос. Я увидел, как липкие заряды густой спермы выстрелили в лицо и раскрытый рот моей любимой. Все сразу закричали — «Пей, пей, пробуй черного, даааа! Навалили в хавальник! Распробуешь вкус настоящего мужчины никогда не забудешь черных!». Женщине с большим трудом удалось проглотить полный рот молочной массы. Туда уже совался следующий надроченный член. Меня толкнули сбоку. Я понял, что это был, который спустил в Анастасию Михайловну по его болтающемуся аппарату. Он легко поволок меня и приказал разойтись остальным. Они смеялись надо мной, обзывали, я был на коленях возле своей любимой от которой несло вонючими членами, слюнями и проглоченной негритянской спермой. В жарком пьяном порыве она засосала меня в самые губы! Я оторопел! Это было неожиданно возбуждающе и мерзко! Соленый вкус заполонил мой рот, в ноздрах завоняло немытыми хуями, но у меня хозяйничал язык моей любимой! Моей любимой падшей шалавы...

Смачно размокнув засос, Анастасия Михайловна отбросила мое растерянное лицо и принялась поочередно сосать у подошедших. Я плохо соображал ничего не разбирал из за громкой музыки и смеха, но предложение сверху услышал. Он сказал — «Пусть белый сделает

братский отсос!». Остальные подхватили и руки подтолкнули обратно в гущу событий с похотливой русской женщиной, ублажающей на коленях чернокожую толпу. Один отказался, сказав, что он не гомик, но другой вызвался сам. Они даже не дали ничего сказать растерянной Анастасии Михайловне, сразу воткнув один член за щеку и далеко отодвинув ее вбок. Пальцами мне показывали, чтобы я сосал через ее натянутую кожу. Зрелище стоящей возле меня голой любимой чьи отвислые молочные сиськи мнут черные руки, негритянский член за ее щекой, небывалое возбуждение иметь возможность целовать Анастасию Михайловну заставили сосать ее лицо. Я чувствовал тугую головку под ее натянутой щекой! Сильно воняло, и было противно, что надо мной смеются, что я делаю это, чтобы получить частицу возможности быть с той, которая даже сейчас смеется взглядом и презирает. Быстро им надоело шутить, что белого без труда обманули сосать черный член, и меня снова отбросили назад, где я валялся на спине. Голова кружилась, но я смотрел как шесть раздетых чернокожих мужчин набрасываются на растрепанную белокурую женщину, у которой по ляжкам обильно течет бабский сок и впитывается в резинки чулок. Все закричали «Давай в два хуя ее жирный зад пробьем! Давай брат заряжай! Я снизу вгоню суке!». Мнения у своей подстилки они не спрашивали, просто удобно устраиваясь на диване, сплевывая себе на торчащий 30 сантиметровой черный ствол и толпой насаживали анальным отверстием сверху свою рабу. Моя любимая громко застонала, как раненый зверь. Я наблюдал за ее мясистыми белыми дольками ягодиц сплюснутых при полном погружении в себя немалой длины чернокожего члена. Она сидела к нему спиной, а ко мне лицом. Ее растекшиеся подведенные глаза закатились, а рот умолял — «Ой, мамочка... ой, мама, вы меня пользуете прямо в попу, мама, у вас такие огромные, прошу помедленнее... мамочка... так глубоко... потише...». Над ней расхохотались еще громче сказав, что сейчас будут вгонять второй туда же в ее толстую жопу. На меня посмотрел распаленный негр, обмазывая гладкий блестящий член и сказал — «Давай, помоги своей любимой женушке». Все начали приказывать со смехом и злостью, чтобы я смочил ей. Я был должен подготавливать зад своей любимой для удобства толпе негров. Я ревновал ее за эту блятскую позу с раскинутыми ногами, поглощенным в себя толстым хуем, текущей волосатой пиздой, выпавшим животом. У меня был как каменный от представления, что я поддамся им всем.

В возбужденном состоянии мне удалось подползти на четвереньках к развалившейся хохочущей бабе с расставленными ногами в сторону в чьей задней дырке глубоко торчит коричневый агрегат с волосатыми бычьими яйцами. Я знал, что они скоро выбросят в нее свое содержимое, в мою любимую женщину с которой я позволяю делать такое и позволяю себе. Они выльют ей негритянское семя прямо в глубину ее жопы куда я никогда бы не смог бы добраться своим маленьким стручком. За голову меня толкнули прямо туда. Я выставил язык и лизал растянутое красное колечко ануса Анастасии Михайловны, вокруг рос пушок и несло мужским грязным членом. Было противно, но возбуждение не уходило, мне показалось, что я испытал оргазм даже не трогая себя снизу. От чувства стыда быть такой тряпкой в глазах своей обожаемой, от ее падения так низко в моих глазах, от ее презрительного смеха надо мной, добровольной подготовки ее забитого зада, чтобы туда вошел еще один негр это меня развезло. Я припал назад и ощущал бьющее сердцебиение в своем паху, но не кончал. Томительно меня терзала ревность и презрение. Резко в задний проход вопящей от страсти Анастасии Михайловны стал вторгаться дополнительный член. Кожа растянулась, утопляя глубже и глубже. Наконец навалившийся над ней негр облегченно

зарычал — «Вогнал в сучку, теперь устроим в ее белой жопе черный беспорядок». Не сговариваясь оба стали вбивать в свою белокурую пленницу, стонущей от блятской страсти — «мамочка... о, да... пользуйте меня, как хотите... мамочка... это так пошло... я такая грязная... прямо мне в попу... «.

Я припал спиной на пол и резко расстегнул ширинку. Вынул свой каменный член, чтобы помочь себе. Это презрительное возбуждение требовало буйно дрочить возле скрипучего дивана на котором пыхтели два негра, одновременно пользующиеся задом роскошной откормленной самки которой я не достоин и никогда не получу этого блаженства. В ее губы видимо всунули член и заставили сосать. Я слышал только издевки над собой, какой у меня маленький белый хуек, что мою женушку натягивают черные братья, вокруг играет рэп музыка, во рту стоит пакостный вкус соленой спермы и долгожданные слюни любимой, как она громко сопит носом с набитым ртом, как у меня кружится голова, и я полностью поддаюсь унижению...Задрожав я вытолкнул из себя на руку несколько прозрачных капель. Оргазм быстро прошел и в висках заболела голова. С жидким съезжившимся меньше мизинца хуем, я попытался присесть. Только сейчас заметил, что моя Анастасия Михайловна пьет сперму из толстого члена у губ, другой заляпал ее приподнятую бритую лоснящуюся подмышку и часть покрасневшей груди, а в красной задней дырке бешено задвигается пара негритянских оплеванных коричневых поршней. Из ее волосатой манды возбужденно стекает струя течки. Сбивчиво дыша, я сел на колени. Происходящее рядом возбудило снова. Головная боль прошла, хотелось дрочить, но член был вялым и я просто его мял мокрыми липкими пальцами.

«Сука! Лью ей в жопу!» — заорал негр сверху и под трясущиеся движения его вставленная венистая колбаса начала сдуваться. При вынимании был выброшенный наружу поток густой спермы со звуком лопающегося воздуха. На его место налег на ослабленную женщину другой негр и наметился пронзить ее половые губы. В животной страсти он будто гвозди заколачивал своим тазом, вгоняя нескончаемым шлангом туда обратно по всей длине! От этих фрикции в своей хлюпающей от сока вагине Анастасия Михайловна в конец ослабла и завывала, после протяжно задышав. От картины с использованной любимой начавшей кончать на ходящий ходуном толстый коричневый член, у меня стал вставать. Я дрочил до онемения, пустые яйца ныли. Я смотрел, как пользуются моей Анастасией Михайловной, как в нее вливают в самую глубину до матки, и обтирают негритянскую надутую головку об обширный кучерявый треугольник волосни. Я был жалок со спущенными штанами рядом с желанной женщиной подставившей всю себя во все щели незнакомым жеребцам. Нижний негр задвигал ногами и член в ее зад у стал выливать молочные потеки. Сосед помассировал его яйца — «Давай наваляй кишку под завязку! Все до капли!». Не меняя позы отдавшейся им белокожей рабыни, другой негр налег на нее и стал иметь ее волосатые владения. Чужая сперма взбивалась в крем, отвислые срамные губы раскраснелись и на них появились прибавочные вонючие пятна из выдернутого в последний момент стреляющего напряженного члена. «До матки достал. Отвечаю все дыры забили черным семенем» — похвастался он.

Пьяным от возбуждения и злости, что мой хуй онемел и больше не льет, я наблюдал довольных негров на диване, которые расставили ноги. Они хвастались, что отпятили во все щели эту толстую белую шлюху, что ее желудок полный их зарядов, как развлеклись сегодня на моих глазах, какой у меня маленький ничтожный стручок, что пока дома их верные нормальные жены заботятся о детях они пьют эту потаскуху в два хуя в жопу как самую

последнюю блядь. Слабая еле передвигающаяся на коленях с растянутым грязным анусом Анастасия Михайловна ложилась каждому между ног и облизывала его член. Почистив одному, она принималась за другого, чтобы получать пощечины или грязные словечки. Я видел падшую женщину с распущенными волосами и потной спиной у которой сзади капает сперма. Освободившаяся, она сползла рядом и облегченно задышала после того как проглотила слизанное. Довольные любовники помогли ей взобраться на диван и присесть рядом. Их приказы начали обращаться ко мне, но сначала я не понял своей ноющей возбужденной головой. Они раздвигали в стороны ноги Анастасии Михайловны и говорили, чтобы я почистил их белую использованную шлюху языком. Полностью поддавшись призрению к себе и ей, я безоговорочно придвинулся к волосатой растянутой красной щели с облепленным влажным черным треугольником вокруг. Из дырки текла густая белая полоска, на половых вывалившихся губах застыла взбитая сперма, на бордовом клиторе висел плевков смешанных выделений. Это было сокровенное место моей любимой, которую я так обожал. Это вся моя мечта, но не так как сейчас. Они и она забрали мой идеал, отдав грязь от него. Она смеялась грудным развращенным смехом, раздвигая пальцами свои натертые заросли. Мне было стыдно хотеть прикоснуться к использованной любимой. Но сопротивляться я не мог...

Я усталился губами прямо туда. Мой рот пробовал соленую сперму и вонючие бабские соки. Я судорожно глотал их. Раньше всегда представлялось, что Анастасия Михайловна сделана из нежного, но теперь я пробовал ее стойкие выделения пахучей оттраханной немолодой сучки. Она была подстилкой черных, а я ее рабом. Еще хуже и противнее. Ее развернули и мне досталась мясистая крупная задница с отпечатками от рук. Она сама развела в стороны слипшиеся пышные ягодички, открывая заляпанную не затянувшуюся огромную дырку, где раньше была аккуратная звездочка ануса. «Давай, ты же сказал, что любишь меня и на все готов. Это твой единственный шанс касаться моего тела. Я принадлежу только нормальным мужчинам, а ты достоин только этого» — похабно рассмеялась надо мной Анастасия Михайловна. В унижительном состоянии слышать бабий презрительный смех, подхваченный остальными я смотрел на ее зад. Я мечтал что буду его целовать, любить, бережно трогать пальцами как и свою любимую, а теперь стою и вдыхаю запах из использованной задней дыры бесстыдной потасканной шалавы. Это так гадко выставлять язык подчищать и вылизывать сперму развлекающихся с ней любовников еще каких то залетных негров. Это презрительно и противоестественно к себе и обожаемому кумиру женщины. Это так возбуждает, меня тебя раз и навсегда... Перед моим лицом был зад оттраханной в групповухе Анастасии Михайловны, белой шлюхи у черных мужланов, Я впился всем ртом в ее грязное отверстие и начал высасывать все соки из него не в силах устоять. Вокруг раздавалось унижающее что я их раб, который подчищает использованные дыры своей белой потаскухи. Пока я закончил, у них опять повставали. Надрачивая свои болты, они бесстыдно отодвинули меня и приказали Анастасии Михайловне раздвигать ноги. Она с блятской улыбкой обрадовано легла посреди дивана на спину, позволяя набрасываться сверху первому негру и вбивать в ее разработанную мягкую манду. Имели по очереди. Пялили грубо. Ее расплюснутые титьки болтались по сторонам, и трясся живот. Кончали по второму заходу густо с полстакана наполняя до краёв, потом я слышал похотливый приказной тон Анастасии Михайловны, чтобы чистил ее для другого. Я мог этого не делать, но тогда никогда бы не прикасался к ней. Когда ей брызгали в рот, она звала меня и сплевывала на лицо, а потом

развращенно целовала в губы и отталкивала. Щелкали сотовые, делались снимки на память о сипозиуме с белой пробитой сучкой и ее униженным рабом. Не теряя возбуждения, гоняя свою жалкую косточку я выполнял ее приказы. Я чистил роскошную любимую женщину отдававшуюся толпе смеющихся негров. Играла африканская музыка и она начинала изобильно кончать целой лужей под очередным довольным черным. Я пил ее похотливые соки. Мое место возле этой женщины, я ее люблю и ненавижу. Она самая лучшая и последняя блять.

Когда с ней наигрались все ушли. Трахательный марафон был больше 3 часов. Я сидел возле дивана весь в чужой сперме любовников моей любимой, а она покрытая усталым потом лежала на боку. Она не стеснялась быстро захрапеть, вывалив живот с сиськами, с размазанной косметикой на лице. Я был опустошен, унижен, и стыдился сам себя. Попытался все забыть, но случившееся меняет навсегда. Оставалось от жалости гонять у себя и засыпать около той, что я недостоин.

Продолжение следует